Караулившая на попасе лошадей, пригоняла их к лагерям. Начинались чистка, седловка, перекличка, построения. Зычно покрикивал заведующий лагерями штаб-офицер шумоватый войсковой старшина Попов, суетился военный пристав, горланили муштруя молодых казаков обучавшие их урядники. За бугром сходились в атаках, хитро окружали и обходили „противника", стреляли по мишени из дробовиц. Казаки помоложе охотно состязались в рубке, постарше — отвиливали от занятий.

Люди хрипли от жары и водки, а над длинными шеренгами крытых повозок тек пахучий волнующий ветер, издалека свистели суслики, степь тянула подальше от жилья и дыма выбеленных куреней.

За неделю до выхода из лагерей к Ивану Томилину приехала жена. Привезла домашних, сдобных бурсаков, всякого угощенья и ворох хуторских новостей.

На другой день спозоранку уехала. Повезла от казаков домашним и близким поклоны, наказы, лишь от Степана Астахова ничего не пересылал с ней. Накануне заболел он, лечился водкой и не видел не только жену Томилина, а и весь белый свет. На ученье не поехал, по его просьбе фельдшер кинул ему кровь, поставил на грудь дюжину пиявок.

Степан в одной исподней рубахе сидел под колесом своей брички, фуражка с белым чехлом мазалась вытирая колесную мазь, оттопырив губу смотрел, как пиявки всосавшись в выпуклые полушария его груди набухали черной кровью, росли в об"еме. Возле стоял полковой фельдшер, курил процеживая сквозь редкие зубы табачный дым.

— Легчает?

— От грудей тянет. Сердцу, кубыть, просторней...

— Пиявки — первое средство.

К ним подошел Томилин. Мигнул.

— Степан, словцо-бы сказать хотел.

— Говори.

— Поди на час.

Степан кряхнув поднялся, отошел с Томилиным.

— Ну, выкладывай.

— Баба моя приезжала... Ноне уехала.

— А.

— Про твою женщину по хутору толкуют...